

Пизман Давид

Казалось бы, что может помнить ребёнок в возрасте 2-6 лет?

Когда началась война, мне было 2 с небольшим года. По рассказам моей мамы, 23.06.42 года мой отец был призван в ряды Красной Армии, отправлен на Западный фронт. Родом он из местечка Черневцы Могилев-Подольского района Винницкой области, Украина. Туда после мобилизации отца отправилась наша семья в составе моей мамы, бабушки, старшего брата, и меня, в надежде, что в маленьком местечке легче будет сохранить жизнь.

Наши войска стремительно отступали, и часть, в которой служил отец, отступая, проходила мимо м. Черневцы. Отец отпросился у командира на несколько часов и навестил нас. Ни отдохнуть, не искупаться у него времени не было. Мы пошли провожать его на околицу местечка, прощаясь, отец взял меня на руки. Вот что врезалось в мою память на всю жизнь! Я с папой, мне так хорошо у него на груди, почему его так долго не было? Я никогда не был так долго без него, как хорошо, что он со мной.

Он, прижимая меня к себе, целует, колет его борода, мешая запах, исходящий от гимнастёрки, но мне хорошо, а вокруг все почему-то плачут — мама, бабушка, брат и все пятеро отцовских сестёр. Глупые, почему они плачут? Ведь папа с нами». Я не знал, что они были правы. Это была последняя встреча с отцом. Он погиб 06.08.43 года на околице с. Семёновка Ржевского района Калининской области. Похоронка пришла в 1944 году после освобождения города Могилев-Подольского от фашистов.

В местечко вошли немцы, в первые же дни оккупации они показали свои намерения. Согнав группы евреев на мост через речку Мурафа, они расстреляли их на глазах наблюдавших с чердаков жителей. Люди падали с моста, а те, кто был только ранен, разбивались о камни. Ужас был непередаваемый. И тогда мама и бабушка решили: если умереть, так уж лучше дома, в Могилев-Подольском. И в числе нескольких групп таких же беженцев пешком отправились домой. Расстояние составляло 30 км.

Мама несла меня на плечах, на руках были сумки, бабушка и брат так же несли сумки. Когда мы проходили мимо застав, мама просила меня читать «Кришма». Эту молитву, как и «Моди-Аки», я знал, так как мои родители ежедневно молились. Получалось само собой, что немцы не обращали на нас внимания.

Шли полями, однако вскоре мы отстали от основной группы, не выдержав темпа. У меня очень болели ноги, натиравшиеся об одежду мамы. На одной из лужаек на моего отставшего, плетущегося брата, а ему было 10 лет, напали четверо пастушков, нанося ему удары сапогами по ногам. Получив удар по одной ноге, он резко поднимал её, корчась от боли, когда они ударяли по второй. Эта «пляска» привела их в дикий восторг, а он, прикусив губы до крови, не произнося ни

звука, старался увернуться от ударов. Бабушка, оглянувшись, увидела эту экзекуцию и бросилась на выручку с ужасным криком: «Бойтесь Бога!». Этот леденящий крик до сих пор звенит в ушах. Я не знал, что моя тихая, ласковая, любящая бабушка может так кричать. В это время из-за пригорка показалась группа селян, разогнавшая пастушков.

Вернувшись, мы застали свою квартиру полностью разграбленной: пол был полностью усыпан толстым слоем пуха от разрезанных подушек и перин — грабители: соседи-украинцы — искали золото. Остался лишь поломанный дубовый шкаф, который не проходил в двери и из-за габаритов и тяжести.

В Могилев-Подольском вскоре было создано гетто. Нам «повезло» — наш дом оказался в черте гетто, и нам не надо было искать прибежище у кого-то. Наоборот, к нам стали подселяться люди, дома которых оказались за чертой гетто. Это были, в основном родственники или подруги моей мамы. Все приносили с собой что-то: кто стол, кто топчан, а кто просто доски, из которых на стенах делались нары. Кроме них подселились несколько семей из Бессарабии и Буковины.

Одна семья из Буковины носила фамилию Дорфман, кого-то звали Пепи, один — Адольф, был парикмахером. Он очень помог мне. Дело в том, что во время перехода я сидел у мамы на плечах, и на внутренних сторонах обеих ног натёрлись огромные волдыри. Парикмахер на огне обжег остроконечные кривые ножнички и аккуратно обрезал всю кожу волдырей, смазав после этого какой-то мазью. Боль была дикая, такую боль невозможно не запомнить.

Через некоторое время в гетто начались облавы. Тех из евреев, кто не успел спрятаться, ловили и отправляли в лагерь «Печора». Наш дом был собственностью трех семей-владельцев и имел «г»-образную форму: Первая часть принадлежала нам. Вторая часть — Шалия Гитл с сыновьями Лёней и Срулом. Третья часть — Альтман Мойше с женой Маней и дочерьми Идой, Женей и Симой.

У нас сохранялась купчая, датированная 1938 годом. Такая конструкция нашего дома позволяла замуровать две комнатухи — 2х2 — «секреты». Вход в них был только через чердак. Вот эти 2 «секрета» и спасли нас от облав.

Заслышав оглушительно-громкий лай огромной немецкой овчарки, с которой всегда шел на облаву платанер-румын Барбулеску, все бросались к нашей части дома, поднимались по лестнице на чердак, бежали к секретам и спускались в них. Стояли там буквально друг на друге, места не хватало. Мама, держа меня на плечах, умоляла не кашлять. Овчарка лаяла на стены, солдаты обходили все комнаты, но они были пусты. «Отловив» необходимое количество евреев, Барбулеску на несколько недель прекращал облаву.

Наступали голодные будни с тревожными ожиданиями облав. Евреи не имели права выходить за территорию гетто, слушников румыны жестоко избивали нагайками и прикладами. Украинцам разрешалось ходить везде, даже в гетто, но не разрешалось продавать евреям еду. Евреи были обречены на голодную смерть. В 1942 году в довершение бед разлился Днестр от тяжких могучих снегов в Карпатах после суровейшей зимы 1941 года. В результате наводнения наша часть дома очень пострадала, нас приняла на жительство семья Альтман на время ремонта.

ВИННИЦКАЯ ОБЛАСТЬ ■ ГЕТТО МОГИЛЁВ-ПОДОЛЬСКИЙ

В гетто из-за скученности и антисанитарии вспыхнула эпидемия брюшного тифа. Мы все четверо слегли с высочайшей температурой: 39,9-40,0 градусов. Мы благодарны семьям Альтман и Шамис, которые ухаживали за нами.

Бабушка не смогла справиться с болезнью и тихо скончалась.

Спустя несколько недель, когда мама смогла двигаться, она вынесла на улицу свое последнее нарядное платье в надежде обменять его на молоко. Мимо проходила селянка, неся на перевесах молоко.

— Не дадите ли вы мне за это платье молока? - обратилась мама к селянке.

— Добре, — ответила та, налила маме 4-х литровую банку молока и со словами:

— Я еще подивлюсь плаття, — стала внимательно осматривать его, нет ли дырочек. В это время мимо проходила украинка, жительница ул.Полтавская, и со словами:

— Що це ти даєш жидівці молока, ты що, не знаєш указу, от я зараз піду у платанерію...

С этими словами она толкнула ногой стоявшую на траве банку и быстрым шагом направилась дальше...

Молоко, булькающая, вылилось на траву... Когда женщина скрылась за поворотом, мама быстро подняла банку, в ней еще на дне оставалось немного молока. Заплакав, мама пошла домой. Платье, разумеется, осталось в руках селянки. Подходя к двери, услышала тихое: «Жіночко, жіночко, зачікай, бэ я ще доллю молока до половини». Разные люди были.

Надо отметить, что после наводнения была властями оказана одноразовая «помощь» в виде 6-7 кг «лынты» (чечевицы). Мой брат Арон получал этот «паёк» у старосты Иванова. Арон в 11 лет был так истощён и слаб, что не мог дотащить это «сокровище» домой. Ценой огромных усилий дотащил ношу, был горд тем, что сумел накормить семью. Ему предстояло еще одно испытание.

Теперь надо было восстанавливать разрушенный дом. Мама заменила отца, а Арон занял её место и место бабушки. Приходилось изготавливать «вальки», т.е. самодельные огромные «кирпичи» из глины, песка, соломы и навоза. Именно навоз ему пришлось собирать, а брал он его в конюшне на ул.Пушкинской.

Несколько дней он беспрепятственно собирал навоз из-под коней, при этом находившийся при лошадях румынский солдат молча наблюдал, не вмешивался.

Арон уверовал, что ничего противозаконного не делал.

Но однажды на месте знакомого солдата оказался другой. Арон спокойно стал собирать из-под коней «ценное сырьё». Как вдруг со словами, из которых Арон понял лишь «жиданэ», румын нагайкой стал хлестать брата по спине. От неожиданной боли Арон упал, ведро откатилось, а солдат стал полосовать несчастного. На счастье, появился первый солдат и остановил экзекуцию. Не имея сил идти, Арон полз на коленях, еле добрался домой. Больше он не ходил за этим строительным материалом, обошлись соломой. Из валеков мама клала стены и потолок, они, вальки, клались меж бревен.

В мои функции входило вынимать из песка и глины осколки стекла, а их была уйма, и я не очень справлялся со своей задачей. Как-то мама «тинковала» (штукатурила), размазывая глину рукой по «вашкам» потолка. Стоя на лестнице, она размазывала огромную порцию раствора и глубоко поранила ладонь об осколок стекла. Я стоял внизу, наблюдая за её быстрыми точными движениями. Вдруг я увидел, что по руке течет кровь, капая с локтя на пол. «Момы,— вскрикнул я, — сы рынт финдер понт бые блыт!» («Мама, с руки у тебя течёт кровь») — «Эйх вейс», — (я знаю) — ответила мама. «Сыз гурнут» (это ничего), — продолжила она, пытаюсь скрыть от меня стекающие по щекам слёзы, не прекращая работу. До сих пор не могу простить себе — забыть эту кровь и слёзы!

Наконец квартира была отремонтирована, и стали возвращаться старые бывшие бесплатные квартиранты. Наша семья занимала одну комнатку 6 метров, спали на топчане втроем. Остальные комнаты были полны народу.

До войны нам постоянно носила молоко молочница из какого-то близлежащего села. Фамилии её мы не знали, а имя я забыл. Зная о тяжелом положении евреев, она решила проведать нас. Она принесла немного молока, немного творога в тряпочке и кусочек масла меж двух «бабьих» листьев. Я не смог скрыть своего голода и с жадностью набросился на творог, мама забрала у меня творог, боясь моего резкого насыщения.

Позже я понял почему, но тогда! Увидев наше состояние, помня, в каком достатке мы жили до войны и как тепло мама прежде её принимала и угощала, она сказала: « Я еще приду!» И действительно, недельки через две она пришла, принесла, кроме молочных продуктов, в узелках немного пшена, кукурузной муки и кукурузной крупы. Какое это было для нас подспорье! Когда закончились молочные продукты, мама варила «жондру» — это несколько литров кипятка, заправленных 2-мя столовыми ложками муки — дневная норма на нашу семью в будний день. На субботу выделялись три ложки крупы.

Суббота! Суббота соблюдалась и в войну, не зажигался огонь. В пятницу вечером, а вечерами облавы не проводились, люди чувствовали себя более спокойно. Читали и пели молитвы: «Леха доди..» — все: и мужчины, и женщины.

Шмил Васффирер — муж сестры моей мамы, тети Раи, был кантором — обладал прекрасным голосом, мастерство его исполнения было поразительным, он пел лучше Лемешева и Козловского. Среди жильцов была семья Рейзи-Снитман с двумя сыновьями — Давидкой и Люстиком. Давид был 16-летним юношей: высоким, светловолосым, голубоглазым, но главное, у него был прекрасный лирический тенор, ровный во всех регистрах. Мы с наслаждением слушали «амиду» в исполнении Шмила — его «Симшалан» трогал до слёз, женщины не всегда сдерживались. Но когда пели «Адон — Олай», то голос Давила выделялся, покрывал наши голоса. Пели очень красиво: тетя Рося, мама и мой брат, я бурчал себе под нос. Давида стали приглашать на вечеринки, устраиваемые румынскими офицерами. После вечеринки он приносил то хлеб, то конфеты, то фрукты. Он был щедр.

После освобождения Могилева-Подольского он был отправлен в числе сверстников на фронт. Под Ясами они все были посланы в бой без оружия — погибли.

ВИННИЦКАЯ ОБЛАСТЬ ■ ГЕТТО МОГИЛЁВ-ПОДОЛЬСКИЙ

Освободили наш город 19.03.1944 года. Как велика была радость! Окончился трехлетний сплошной голодный кошмар, страх выйти на улицу, страх перед об-лавами, Бортлеску с его громадиной — овчаркой, перед каждым румыном и ук-раинским полицаем.

Наши танки медленно двигались по дороге вдоль Днестра. Все оставшиеся в живых вышли приветствовать родных освободителей. Бойцы облепили танки и улыбались нам в ответ на приветствия. Один из солдат кинул мне шоколадку. После стольких дней голода особенно мучили сновидения — в снах виделись раз-ные яства, но дотянуться до них не получалось, и просыпаешься с чувством страшного неутоленного голода. И вдруг — шоколад! Ничего вкуснее его я боль-ше не ел!

И вот второй день после освобождения.

Мы с мамой на улице возле дома, наслаждаемся тишиной, ясным солнечным мартовским днем. Через дорогу напротив стоял 2-х этажный дом с балконом. Внезапно откуда-то появилась группа из четырех немцев с поднятыми руками, под дулом автомата ведомых каким-то мужчиной. Он выстроил их под балко-ном...

В первые дни оккупации города перед передачей власти немцами румынско-му командованию первые очень лютовали. Они заходили в дома, выводили евреев и тут же расстреливали. Так произошло с семьей одного нашего соседа. Всю его семью в составе отца, матери, жены и двоих детей расстреляли на его глазах, он в это время был в туалете, во дворе и через щели в досках видел всё происхо-дящее. Выйти из туалета самостоятельно он после этого не смог.

Его потом никто не видел. Поговаривали, что он с ума сошел, погиб. Это был он. Мама узнала его и поняла его намерения, окликнула и сказала: « Что ты де-лаешь, разве еще должна литься кровь, может, у них есть дети?»

Он повернулся к нам всем корпусом, направил автомат в нашу сторону и с ис-каженным яростью лицом воскликнул: «А у меня что, детей не было, ты забыла, что они мне сделали? Я сейчас начну с тебя!»

Глаза его сверкали недобрый светом.

Мама, закрыв меня собой, подхватила и заскочила со мной в дом.

Прозвучали выстрелы...

Находятся умники, упрекающие евреев в том, что они безропотно шли на смерть, как стадо на бойню.

Я свидетель тому, как немецкие солдаты вместо того, чтобы молниеносно обе-зоружить повернувшегося к ним спиной еврея, стояли в оцепенении под балко-ном, покорно ожидая своей участи.

И это были воины немецкой хваленой армии!